

АНДРЕЙ ЛУКЬЯНОВ:

Я не режиссер, просто хотел воплотить давнюю мечту

Театральное агентство “БОГИС”, возглавляемое Галиной Боголюбовой и известное такими проектами, как “N” (Нижинский), “Башимачкин”, “Последняя ночь последнего царя”, “Анна Каренина”, с участием О.Меньшикова, А.Феклистова, М.Ульянова, И.Купченко, А.Збруева, Е.Миронова и многих других актерских звезд, выпустит 1 марта новую премьеру “Человек из ресторана” по повести И.Шмелева. В главной роли (официанта Скороходова, которого в конце 20-х годов сыграл в экранизации этой повести великий Михаил Чехов) выступит Виктор Сухоруков. Балетмейстер — Александр Петухов, художник — Борис Букин. Автор инсценировки и постановщик спектакля — Андрей ЛУКЬЯНОВ, чья биография в свете избранного им произведения выглядит особенно примечательно. Выпускник актерского факультета ГИТИСа А.Лукьянов работал актером в Петрозаводском русском драматическом театре и в Московском драматическом театре им. М.Н.Ермоловой. Однако в начале 90-х годов решил открыть собственное дело и занялся ресторанным бизнесом. Воплотить повесть И.Шмелева на сцене — его давняя мечта, и возникла она раньше, чем началась его ресторанный деятельность.

— Это началось еще году в 82 — 83-м. Шмелева у нас тогда не “проходили” ни в школах, ни в вузах, хотя он и издавался. Мы к тому времени уже все работали в театрах — и Т.Догилева, и И.Стоянов, и А.Блохин, и И.Фокин, и В.Сухоруков (это был курс Остальского). Я прочёл повесть и сразу же попросил Витю Сухорукова, который в это время уже жил и работал в Ленинграде, найти книжку. “Витя, это твоя роль”, — сказал я тогда. Я уже понимал, что потенциал этого актера неисчерпаем. И сейчас мне кажется, что он, как айсберг, открылся нам только малой своей частью. В те годы, конечно, всем нам, только начинавшим работать, было не до таких проектов. Но желание, как видите, осталось. Весной 2003 года я решился, попросил Галию Боголюбову прочитать повесть и заняться организацией спектакля. Ей поначалу казалось, что инсценировать это невозможно, книга написана как сплошной монолог. И тогда я сел за компьютер.

— Вы не только сели за компьютер, вы и поставить это решили сами. Когда-нибудь раньше режиссурой занимались?

— Практически нет. Знаете, в процессе сочинения пьесы я понял, что проще будет попробовать самому, чем объяснять свой замысел кому-либо, а потом психовать, пить валлол... Я вовсе не считаю себя режиссером, просто хочу воплотить давнюю мечту.

— В вашей инсценировке действие происходит в самый канун Первой мировой войны, а повесть вышла в 1911 году.

— Мне показалось, что надо чуть сдвинуть действие по времени. Я даже написал несколько сцен на основе исторических материалов. Ведь в ресторан, где работает Скороходов, приходят самые разные люди, там можно услышать жизнь едва ли не всех слоев русского общества. Предвоенная Россия начала XX века и то, что происходит спустя почти 100 лет, — очень схожие вещи. Те же социальные контрасты, та же политическая демагогия...

— Мне все не терпится спросить: ваш нынешний ресторанный опыт как-то повлиял на выбор материала?

— Опыт-то пришел позже, чем ув-

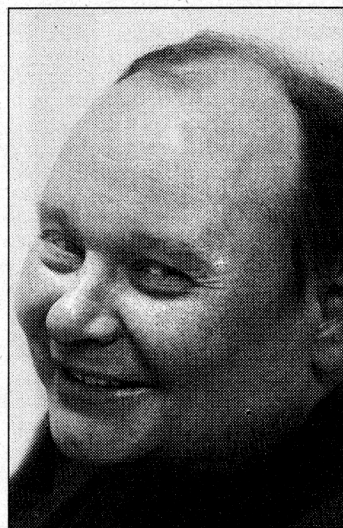
лечение повестью. В ней есть очень человеческие материи и есть что сыграть Вите Сухорукову.

— И все же через нынешние рестораны также проходит целая жизнь. Она похожа на шмелевскую? Ведь его официант Скороходов — своего рода ресторанный философ. Он хорошо знает людей. Его основная тема: как маленькому человеку устроиться в жизни. Как, по-вашему, нынешние работники ресторанов тоже озабочены этой темой?

— Если помните, Михаил Чехов как раз и сыграл в кино маленького человека, эдакого Акакия Акакиевича. Мы же сейчас пытаемся сделать совсем другое. Недавно я сидел со знакомым художником в одном весьма продвинутом ресторане. Художник, человек профессионально наблюдательный, говорит: “Посмотри на этого официанта. Какая самодостаточность! Разве он похож на забитого жизнью человека?” Нет, мы хотим показать на сцене счастливую семью. У Скороходова хорошая жена, взрослые дети. Драма возникает оттого, что дети вырастают, мир вокруг жесток и неблагоприятен, а дети ориентируются уже на этот мир, а не на родительские внушения. Трудно исповедовать добро. Я как-то спросил у Сухорукова: кто, по-твоему, любимый герой Скороходова? Он, не задумываясь, ответил: Иисус Христос. Я — человек нерелигиозный. Но как-то наткнулся на астрономический календарь и увидел одну потрясающую вещь. Если за единицу измерения космической жизни принять год, а первые люди появились на свет 31 декабря в 22 часа 30 минут, то получается, что они существуют в году всего 1,5 часа. И что они за это время успевают натворить!

— Вы понимаете, что ввязались в откровенно некоммерческое предпринятие?

— Конечно. Сам я, между прочим, обожаю всякий “экшн”, боевики, ужастики. Включаю телевизор, и на всех кнопках один и тот же нескончаемый сериал с криминалом и мордобоем. А где кино про обыкновенных людей, которые ходят на работу, растят детей? Где эти абсолютно достаточные люди? Почему герои не они, а человек с двумя пистолетами

А.Лукьянов

за пазухой? У меня тоже бывали случаи. Пришли четырнадцать человек с оружием, “делиться” хотели... Думаете, это интересно?

— Значит, все же опыт бизнесмена повлиял на творчество?

— Какой бизнесмен! Если сравнивать, то я — лавочник. Началось все в перестройку, когда многие бросились в частное предпринимательство. Я еще работал в Театре Ермоловой. Мы взяли там в аренду ресторан (тогда он назывался “Марс”). Я сразу сказал: при нынешней экономической ситуации театральные арендаторы должны кормить актеров бесплатно. Мы и по сей день кормим у нас артистов отдельно. Прошло уже 11 лет с тех пор, как к нам пришел профессиональный менеджер и предложил организовать ресторан мексиканской кухни — для иностранцев, многие из которых эту кухню любят. Сейчас-то таких ресторанов много, а тогда в Москве это было новинкой.

— А с ресторанными критиками имеет дело? Интересно, их оценки влияют на посещаемость заведения?

— В нашей стране, по-моему, оценки никаких критиков не влияют на посещаемость никаких заведений.

— Как вы себя ощущаете в режиссерском амплуа?

— Я не ощущаю этого амплуа. Амбиций у меня нет. Все же я успел набраться театрального опыта. В институте нас учили: актер отвечает только за себя, а режиссер отвечает за актера. Но на практике я более всего сталкивался с тем, что режиссеры хотят отвечать только за свое самовыражение. У нас в спектакле все артисты — соавторы. В первую очередь, конечно, Сухоруков. Моя задача — реализовать проект, а не дебютировать в качестве режиссера.

— Но все же репетиция предполагает, что все участники должны слушаться кого-то одного.

— Что правда, то правда. Иногда все 14 человек на сцене ведут себя так активно, что я понимаю: на сцене 14 “режиссеров”.

Беседу вела
Наталья КАМИНСКАЯ